Основан в августе 1939 года

УЧРЕДИТЕЛЬ

Министерство обороны Российской Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Октябрь № 10 (618) 2011

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор
ЧАЧУХ
Игорь Мадинович, полковник запаса

Заместитель главного редактора
АВЕРЧЕНКО
Сергей Викторович, подполковник запаса, кандидат исторических наук

Научные редакторы
Е.В. ДОБЫЧИНА, кандидат исторических наук;
В.А. ЕВДОКИМОВ, подполковник запаса;
В.Т. ИМИНОВ, генерал-лейтенант в отставке, кандидат исторических наук, профессор;
Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ, полковник запаса, кандидат философских наук, старший научный сотрудник;
С.В.МАНЮКОВ, полковник запаса;
В.Г. ОППОКОВ, капитан 1 ранга в отставке;
А.В. ОСТРОВСКИЙ;
Р.И. ПАРФЁНОВ

Ответственный секретарь
П.Н. ЛАНЦОВ, капитан 1 ранга запаса

Секретариат
М.В. ЗАБРОДИНА (заместитель ответственного секретаря редакции);
А.Л. БОЧАРОВА;
Е.В. КРИГЕР;
А.А. ПИМЕНОВ, полковник в отставке;
Ю.В. СНЕГОВА

Литературная редакция
Н.И. ВАХРОМЕЕВА;
А.Н. ГОНЧАРОВА;
А.М. ПЕТРОВ, полковник запаса

Художественный редактор
И.В. НЕДОСТОЕВА

Заведующая редакцией
М.П. МОИСЕЕВА

Перевод
В.С. СИДОРОВ

Компьютерная вёрстка
А.В. МОЛЧАНОВ;
Д.О. СТАШЕНКОВ

Адрес для переписки:
119160, Москва, Хорошёвское шоссе, 38 Д, редакция «Военно-исторического журнала».
Тел.: (495) 693-57-45, 8-906-751-06-97;
Электронная версия «Военно-исторического журнала» — на сайте **www.history.milportal.ru**, на сайте Министерства обороны РФ **www.mil.ru** и на сайте Научной электронной библиотеки **www.elibrary.ru**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.И. БАСИК — начальник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник запаса, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

А.А. БУДКО — начальник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы запаса, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ (Санкт-Петербург)

В.С. ВЫСОЦКИЙ — главнокомандующий Военно-морским флотом, адмирал (Москва)

И.О. ГАРКУША — директор Российского государственного военно-исторического архива, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

И.С. ДАНИЛЕНКО — научный сотрудник Военно-научного комитета ВС РФ, генерал-майор в отставке, доктор философских наук, профессор (Москва)

А.А. ЗДАНОВИЧ — заместитель председателя Всероссийской государственной телерадиокомпании, генерал-лейтенант запаса, доктор исторических наук (Москва)

С.Б. КАМЕНИЧЕНКО — начальник 6-го направления (руководства архивным делом в ВС РФ) Управления делами МО РФ (Москва)

А.В. КИРИЛИН — начальник Управления МО РФ по увековечению памяти погибших при защите Отечества, генерал-майор запаса, кандидат исторических наук (Москва)

Г.Ф. КРИВОШЕЕВ — консультант Управления МО РФ по увековечению памяти погибших при защите Отечества, генерал-полковник в отставке, кандидат военных наук (Москва)

В.М. КРЫЛОВ — директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник запаса, доктор исторических наук (Санкт-Петербург)

В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — директор Российского государственного военного архива (Москва)

Г.А. КУМАНЁВ — руководитель Центра военной истории России, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор (Москва)

С.В. МИРОНЕНКО — директор Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук (Москва)

Н.И. НИКИФОРОВ — заместитель начальника Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ по научной работе, полковник запаса, кандидат исторических наук (Москва)

А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооружённых сил, полковник запаса (Москва)

А.А. НОГОВИЦЫН — первый заместитель начальника Объединённого штаба Организации Договора о коллективной безопасности, генерал-полковник, доктор военных наук (Москва)

А.В. ОСТРОВСКИЙ — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

И.А. ПЕРМЯКОВ — начальник Центрального архива МО РФ, полковник запаса, заслуженный работник культуры РФ (г. Подольск Московской области)

Ю.А. ПЕТРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

К.К. ПРОВАЛОВ — директор Историко-документального департамента Министерства иностранных дел РФ (Москва)

М.Р. РЫЖЕНКОВ — директор Российского государственного архива древних актов, кандидат исторических наук (Москва)

А.Н. САХАРОВ — советник Российской академии наук, член-корреспондент РАН, профессор (Москва)

А.Р. СОКОЛОВ — директор Российского государственного исторического архива, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

В.С. ХРИСТОФОРОВ — начальник Управления регистрации и архивных фондов ФСБ РФ, генерал-лейтенант, доктор юридических наук (Москва)

А.О. ЧУБАРЬЯН — директор Института всеобщей истории Российской академии наук, академик РАН, профессор (Москва)

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки РФ «Военно-исторический журнал» включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.

Х.В. Гудериан: «4-я танковая дивизия была атакована русскими танками, и ей пришлось пережить тяжёлый момент...» — **2-я стр. обл.**
H.V. Guderian: "The 4th armored division was attacked by russian tanks, and it had gone through the difficult times ..."

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

«Солдатский сон бы прерван от разрывов, огонь по крепости вели и с неба, и с земли». 22 июня 2011 года в крепости-герое Бресте состоялись памятные мероприятия, посвящённые 70-й годовщине начала Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — **2-я стр. цв. вкл.**
"Soldier's dream had been interrupted by breaks, fire on the fortress was delivered both from heaven and earth". On June 22, 2011 in the fortress-hero of Brest commemorative events dedicated to 70th anniversary of the Great Patriotic war of 1941—1945 were held

МУНДИР ОТЕЧЕСТВА

Мундирное платье военно-морского ведомства 50-х гг. XVIII века — **4-я стр. цв. вкл.**
Uniform dress of the naval department of the 50-s of the XVIII century

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

С.Г. НЕЛИПОВИЧ — Цена победы. Генеральное наступление российской армии летом—осенью 1916 года: поставленные задачи и достигнутые цели — **3**
S.G. NELIPOVICH – *The price of victory. General offensive of the Russian army in the summer and autumn of 1916: the objectives set and the goals achieved*

ИСТОРИЯ ВОЙН

С.В. АВЕРЧЕНКО — Брусиловский прорыв, борьба в воздухе. Часть 1 — подготовка — **11**
S.V. AVERCHENKO – *Brusilov's breakthrough, fight in the air. Part 1 – preparation*

Прутский поход 1711 года в воспоминаниях шотландского офицера на русской службе. Из «Мемуаров Питера Генри Брюса, эсквайра, офицера на службе Пруссии, России и Великобритании, содержащие известия о его путешествиях по Германии, России, Татарии, Турции, Вест-Индии...» *(Публикация С.В. ЕФИМОВА)* — **16**
Prut campaign in 1711 in the memoirs of the Scottish officer in the Russian service. From the "Memoirs of Peter Henry Bruce, Esq., officer in the service of Prussia, Russia and Great Britain, containing information of his travels through Germany, Russia, Tatarstan, Turkey, West Indies ..." (Publication of S.V. YEFIMOV)

ЭКОНОМИКА И ВООРУЖЁННЫЕ СИЛЫ

В.В. ЯСИНСКИЙ — Отечественный опыт мобилизационной подготовки экономики: уроки мировых войн — **21**
V.V. YASINSKY – *Domestic experience of mobilization preparation of economy: the lessons from the world wars*

А.С. КРУПЕНИНА — Государственный комитет обороны постановил... — **27**
A.S. KRUPENINA — *State Defence Committee decided ...*

ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

Д.Н. СОЛОВЬЁВ — Особенности одиночной подготовки казаков к военной службе — **30**
D.N. SOLOVYOV – *Features of individual preparation of the cossacks to military service*

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

О.Ю. СЕМЕНЦОВ — Военно-техническое сотрудничество России и США в 1860—1870 гг. — **33**
O.Yu. SEMENTSOV – *Military-technical cooperation between Russia and the United States in the years of 1860—1870*

А.О. ХОРОШЕВА — Сотрудничество России и Бельгии в годы Первой мировой войны — **39**
A.O. KHOROSHEVA – *Cooperation between Russia and Belgium during World War I*

ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ

Е.И. ЮРКЕВИЧ — Совершенствование русской полевой артиллерии в конце XVIII — начале XIX века — **43**
Ye.I. YURKEWICH – *Improving of the Russian field artillery in the late XVIII – early XIX century*

ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. СУЖДЕНИЯ. ВЕРСИИ

И.А. ПОДШИВАЛОВ — Упущенная победа? Некоторые обстоятельства боя 1-й Тихоокеанской эскадры 28 июля 1904 года в Жёлтом море — **46**
I.A. PODSHIVALOV – *Loss of victory? Some circumstances of the battle of the 1st Pacific squadron on July 28, 1904 in the Yellow Sea*

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА

А.Д. СИЛАЕВ — Н.Н. Заиюльев: «Если прикажут — смогу» — **51**
A.D. SILAYEV – *N.N. Zaiyulyev: "If they order – I'll be able"*

НЕИЗВЕСТНОЕ ИЗ ЖИЗНИ СПЕЦСЛУЖБ

М.В. ВАСИЛЬЕВ, С.М. ВЕЗОВИТОВ — Диверсионно-террористические и бандитские формирования на территории Псковской губернии в первой половине 1920-х годов — **55**
M.V. VASILYEV, S.M. VEZOVITOV – *Sabotage-and-terrorist and bandit formations in the territory of the Pskov province in the first half of 1920-s*

НА РУБЕЖАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

И.В. ТОРОПИЦЫН — Борьба с пиратством на Каспии в 1730—1740 гг. — **59**
I.V. TOROPITSYN – *Struggle against piracy in the Caspian Sea in 1730—1740*

Е.П. АБРАМОВ — «Всегда первый на коне и последний на отдыхе». Из военной биографии М.Ю. Лермонтова — **64**
Ye.P. ABRAMOV – *"Always the first ahorseback and the latest at grass". From the military biography of M.Yu. Lermontov*

ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ

М.Ю. МАКАРОВ — Одиссея его превосходительства — **68**
M.Yu. MAKAROV – *Odyssey of his excellency*

МУНДИР ОТЕЧЕСТВА

В.Г. ДАНЧЕНКО — Особенности обеспечения «мундирным платьем» чинов русского флота в середине XVIII века — **78**
V.G. DANCHENKO – *Features of provision with "uniform dress" of the ranks of the Russian Navy in the middle of the XVIII century*

ВОЕННАЯ СИМВОЛИКА

Знаки отличия в военный и послевоенный периоды — **4-я стр. обл.**
Military insignia in the wartime and postwar period

77 — ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ
80 — СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

MEMORABLE DATES — 77
INFORMATION ABOUT AUTHORS — 80

ЦЕНА ПОБЕДЫ

Генеральное наступление российской армии летом – осенью 1916 года: поставленные задачи и достигнутые цели

Аннотация. *В статье рассказывается о наступлении Юго-Западного фронта российской армии в 1916 г. и даётся оценка стратегического результата усилий российской армии.*
Ключевые слова: *российская императорская армия; Юго-Западный фронт; Брусиловский прорыв; А.А. Брусилов.*

Summary. *The article tells about the offensive of the South-Western Front of the Russian army in 1916 and assesses the strategic result of efforts of the Russian army.*
Keywords: *Russian Imperial Army; South-Western Front; Brusilov's breakthrough; A.A. Brusilov.*

Оценка тех или иных усилий в войне определяется в первую очередь тем, насколько выполненными оказываются поставленные войскам задачи и (или) насколько адекватны эти усилия достигнутым результатам. Наступление армий Юго-Западного фронта (ЮЗФ) 1916 года получило противоречивые оценки в исторической литературе. В силу определённых обстоятельств в отечественной историографии, а отчасти и в русскоязычной зарубежной публицистике возобладала точка зрения непосредственных творцов и исполнителей наступательной операции, а именно главнокомандующего армиями ЮЗФ генерала от кавалерии А.А. Брусилова и его начальника штаба генерала от инфантерии В.Н. Клембовского. Вместе с тем уже в 1920 году были высказаны различные точки зрения — от восхваления новых приёмов прорыва укреплённой полосы противника до критики практики изматывания войск. До сих пор остаётся открытым вопрос о том, достигли ли эти громадные усилия цели, не были ли жертвы напрасными.

МИНИМУМ стратегического результата объяснялся неверной позицией Ставки (штаб Верховного главнокомандующего) или некоторыми «изменническими» поползновениями «царской камарильи». В этом обвинял начальника штаба Верховного главнокомандующего (ВГК) генерала от инфантерии М.В. Алексеева и главнокомандующего армиями Западного фронта (ЗФ) генерала от инфантерии А.Е. Эверта сам А.А. Брусилов в лекциях 1920 и 1924—1925 гг. и в увидевших свет вскоре после его смерти мемуарах.

Трудность оценки событий, происходивших на русском (восточноевропейском) театре военных действий (ТВД) летом—осенью 1916 года, связана и ещё с двумя факторами: с неоспоримой тактической победой в июне 1916 года и одновременно высокой ценой этой победы, возраставшей с продолжением наступательных операций в июле—октябре 1916 года. Непреложным остаётся тот факт, что наступление русских армий Юго-Западного фронта летом—осенью 1916 года стало крупнейшим военным событием этой кампании. Если под Верденом за всё время боёв были задействованы 47 германских и 70 французских дивизий, на Сомме 95 германских против 104 британских и французских дивизий, то русское наступление вовлекло в свою орбиту 131 русскую (не считая вспомогательных ударов других фронтов), 48 германских, 64 австро-венгерские и 2 турецкие дивизии. Трофеи наступавших (с 22 мая) оценивались ими к ноябрю в 416 924 пленных, 581 орудие, 1745 пулемётов. В то же время российская армия потеряла в этот период до 1,5 млн человек, а её противники — 850 тыс. человек. Одна операция поглотила 50 проц. всех призванных в России новобранцев и ратников ополчения, почти все накопленные запасы снарядов (особенно тяжёлых) и сказалась на запасах ружейных патронов (хотя по их производству Россия занимала первое место в мире).

Именно поэтому требуется не замалчивать практические результаты наступления, получившего название «Брусиловский прорыв», не применять различного вида ухищрения ради торжества какой-либо версии, а проследить логику событий, их ход, то изменение первоначальных замыслов, которыми изобиловала данная стратегическая операция.

Итак, к началу 1916 года на конференциях стран Антанты был выработан проект общего почти одновременного перехода в наступление на двух ТВД: западноевропейском (французском) и восточноевропейском (русском). Последовавшие события зимы—весны 1916 года (окончательный разгром сербской армии и эвакуация её остатков на о. Корфу, неудачное «рождественское» наступление армий ЮЗФ, наступление германских войск под Верденом и австро-венгерских в Трентино) в целом никак не повлияли на выработанное сторонами совместное решение. Наступление должно было начаться летом 1916 года, примерно в июне—июле.

С целью более детальной разработки плана летней кампании начальник штаба ВГК генерал от инфантерии М.В. Алексеев собрал совещание в Ставке 1(14) апреля 1916 года. По итогам данного совещания была отдана директива Верховного главнокомандующего от 11(24) апреля 1916 года: «Главный удар будут наносить армии Западного фронта. Армии Северного и Юго-Западного фронтов оказывают содействие, нанося удары с надлежащей энергией и настойчивостью как для производства частных прорывов в неприятельском расположении, так и для поражения нахо-

БРУСИЛОВСКИЙ ПРОРЫВ, БОРЬБА В ВОЗДУХЕ

ЧАСТЬ 1 — ПОДГОТОВКА

Аннотация: *В статье рассматривается ход и итоги борьбы в воздухе во время подготовки к наступлению Юго-Западного фронта русской армии летом 1916 года. Приведены все победы и потери Военного воздушного флота России при подготовке к Брусиловскому прорыву.*
Ключевые слова: *наступление Юго-Западного фронта; Брусиловский прорыв; Луцкий прорыв; авиационный отряд; воздушный бой.*

Summary. *This article reviews the process and outcome of the fight in the air while preparing for the offensive of the South-Western Front of the Russian army in the summer of 1916. All the wins and losses of the Military Air Fleet of Russia are given during preparation for Brusilov's breakthrough.*
Keywords: *attack of the South-Western Front; Brusilov's breakthrough; Lutsk breakthrough; air detachment; air combat.*

В 2011 году мы отмечаем 95-летие Брусиловского прорыва — наступления Юго-Западного фронта русской армии летом 1916 года, в ходе которого противоборствующими сторонами довольно широко применялась авиация, прежде всего с целью воздушной разведки. В предлагаемой вниманию читателей статье, охватывающей период с 1 апреля по 21 мая 1916 года, т.е. период подготовки к наступлению, на основе документов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и опубликованных отечественных и иностранных исследований, рассказывается о боях между германскими, австро-венгерскими и российскими лётчиками во время воздушных разведок, их победах и поражениях. Следует отметить, что представленная работа отражает освоение темы автором на данный момент, в последующем, по мере дальнейшего её изучения, некоторые цифры могут измениться.

1 АПРЕЛЯ 1916 года[1] в Ставке Верховного Главнокомандования (ВГК) был рассмотрен проект наступления русских армий на всех фронтах. Несмотря на то что Юго-Западному фронту (ЮЗФ) была поставлена вспомогательная задача, основные боевые действия развернулись именно на его участке. Достаточно важная часть в планах командования отводилась и действиям авиации. В распоряжении командующих всех четырёх армий (8 А, 11 А, 7 А, 9 А) Юго-Западного фронта находилось по одному армейскому авиационному отряду и по 2—4 корпусных (као). Эти отряды оснащались в основном двухместными самолётами-разведчиками «Вуазен», «Фарман», «Анаде» и «Моран» нескольких модификаций. В некоторых отрядах имелись трофейные самолёты немецкого и австрийского производства. Кроме того, в оперативном подчинении командующего 7-й армией находился 1-й боевой отряд Эскадры воздушных кораблей (ЭВК) «Илья Муромец» (2 аппарата: II и XIII). Большинство самолётов армейских авиаотрядов и некоторая часть разведчиков из корпусных авиаотрядов к весне 1916 года были оснащены пулемётами у наблюдателя для ведения оборонительного огня. Истребительная авиация имелась только в 7-й армии. 15 апреля 1916 года на аэродром у дер. Яблонов прибыл только что сформированный 7-й истребительный авиационный отряд (иао) под командованием подпоручика И.А. Орлова[2]. Отряд имел на вооружении двухместные истребители отечественного производства «Сикорский-16» и «Моска-Быстрицкий». На истребителе конструкции И.И. Сикорского стоял синхронный пулемёт, стрелявший через винт, а на «Моске» пулемёт был установлен под углом вверх и стрелял над винтом. На следующий день отряд приступил к боевым полётам. В мае отряд перевооружился на одноместные истребители «Ньюпор-11» и двухместные «Ньюпор-10».

Российские двухместные разведчики «Моран-парасоль» на полевом аэродроме

Целью русской авиации в подготовительный период являлось обеспечение командования точными разведывательными данными о противнике. Соответственно, главная задача «авиации всего фронта состояла в том, чтобы сфотографировать укреплённую линию неприятеля»[3]. Для проведения крупномасштабного обследования будущего театра операции были привлечены все наличествующие силы авиации фронта, включавшей до 100 разнотипных самолётов[4].

Противник знал о готовящемся наступлении и со своей стороны также проводил усиленную воздушную разведку. Точное количество германских авиационных отрядов, противостоявших авиационной группировке русского Юго-Западного фронта, и самолётов в них пока установить не удалось. Автору из-

ПРУТСКИЙ ПОХОД 1711 ГОДА В ВОСПОМИНАНИЯХ ШОТЛАНДСКОГО ОФИЦЕРА НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ

Из «Мемуаров Питера Генри Брюса, эсквайра, офицера на службе Пруссии, России и Великобритании, содержащие известия о его путешествиях по Германии, России, Татарии, Турции, Вест-Индии...»

Аннотация. *Статья посвящена новому источнику по истории Прутского похода 1711 года — «Мемуарам Питера Генри Брюса, эск[вайра], офицера на службе Пруссии, России и Великобритании, содержащих известия о его путешествиях по Германии, России, Татарии, Турции, Вест-Индии...». В статье даётся краткая история создания мемуаров, биографические сведения об их авторе, рассказывается о его службе в России при Петре I. Приводится комментированный перевод фрагмента мемуаров, посвящённых Прутскому походу.*

Ключевые слова: *Прутский поход 1711 г.; русско-турецкие войны; Пётр I; иностранные источники.*

Summary. *This article is devoted to the new source on the history of the Prut campaign in 1711 – "Memoirs by Peter Henry Bruce, Esq., officer in the service of Prussia, Russia and Great Britain, containing information on his travels through Germany, Russia, Tatarstan, Turkey, West Indies...". This article gives a brief history of the memoirs, biographical information about their author, discusses his service in Russia under Peter I. It presents an annotated translation of the fragment of memoirs on the Prut campaign.*

Keywords: *Prut campaign in 1711; Russian-Turkish wars; Peter I; foreign sources.*

Князь Кантемир присоединяется к нам без войск. Саранча. Появление турок

СУДЬБА похода, однако, была решена, и мы отсидели в эту самую ночь, чтобы избежать сильной атаки днём. Мы продолжали двигаться по бесплодной степи три ночи. На всём пути не было ни капли воды. Это тяжело переносили и люди и животные. Восемнадцатого мы прибыли на реку Прут, где мы потеряли некоторое количество наших грузовых лошадей из-за того, что они выпили слишком много воды. Мы перешли реку 19-го около Яссы [Jassey], столицы и резиденции молдавского князя. В этом месте к нам присоединился князь Кантемир, взяв с собой лишь нескольких сопровождающих. И молдавские и валашские войска покинули его из-за страха перед турками. Мы продолжали двигаться вниз по реке до 21-го числа. Тогда мы увидели целый рой саранчи, который, поднимаясь как облако, затмевал всю армию. Саранча не только уничтожала траву на полях, но и молодую кору и листья деревьев. Здесь мы опять потеряли некоторое количество нашего тяглового скота из-за нехватки корма. Очень удивительно, но саранча никогда не оставляла нашу армию. И, как только мы разбивали палатки, она прилетала и покрывала весь наш лагерь. Мы пробовали стрелять из пушки и стрелкового оружия, сжигать заряды пороха на земле, чтобы разогнать саранчу, но всё было напрасно. Саранча сопровождала нас на всём пути, пока мы двигались вдоль реки до 27-го числа, когда мы увидели турецкую армию, переходящую Прут. В связи с этим генерал Янус[1] вместе с войсковым соединением и двенадцатью пушками был отправлен для того, чтобы помешать их продвижению. Однако он опоздал, так как часть турецкой армии уже успела перейти реку до того, как он смог подойти к ним. Поэтому он счёл благоразумным отступить к армии. Удивительно, что мы не имели ни малейшего представления о такой многочисленной армии, которая состояла по меньшей мере из 200 тысяч человек, до тех пор, пока они не попали в поле нашего зрения.

Построение русских войск на реке Прут

Наша армия выстроилась в боевом порядке, на некотором расстоянии от реки, надеясь завязать с турками бой. Однако они держались вне досягаемости наших ружей, растягивая свою многочисленную армию, пытаясь окружить нас и отрезать от реки. Мы оставались под ружьём до самой ночи. Мы были убеждены в их намерении и спешно отступили, чтобы укрепиться у реки. Из-за того, что все наши войска были в темноте отделены друг от друга, а также из-за того, что в тот момент мы испытывали большой недостаток лошадей, было решено сжечь часть наших багажных повозок, чтобы они не достались в руки неприятелю. Удивительно, что по количеству огней, ярко горевших в ночи, враг не почувствовал нашего замешательства, которое давало замечательную возможность разбить всю нашу армию. Они легко могли сделать это при помощи небольшой части своего войска. К счастью для нас, они больше беспокоились о собственной безопасности, чем о том, чтобы разбить нас. Оказалось, что они были очень заняты в это время укреплением своего собственного лагеря, и это помогло нам избежать нападения. На рассвете наши разрозненные войска были вновь приведены в порядок, и армия выстроилась по периметру квадрата, четвёртой стороной которого служила река. Это позволяло придать нашему каре большую площадь. Для защиты женщин внутри построили укрепления.

Дмитрий Кантемир
Начало XVIII в.

На другой стороне реки, напротив нас, располагались крымские татары. Там король Швеции разбил свою палатку для наблюдения за продвижением нашей армии. Татары сильно досаждали нам, когда мы ходили за водой. Но стоило подвести несколько пушек, чтобы их припугнуть, как они тотчас предпочли держаться подальше. Наша армия была

(Окончание. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2011. № 9).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ПОДГОТОВКИ ЭКОНОМИКИ: УРОКИ МИРОВЫХ ВОЙН

Аннотация. *Статья раскрывает значение принципа централизованного руководства мобилизационной подготовкой, а также опыт мобилизации экономики дореволюционной России и СССР накануне и в ходе мировых войн.*
Ключевые слова: *Россия; СССР; мобилизационная подготовка; централизованное руководство; Первая и Вторая мировые войны.*

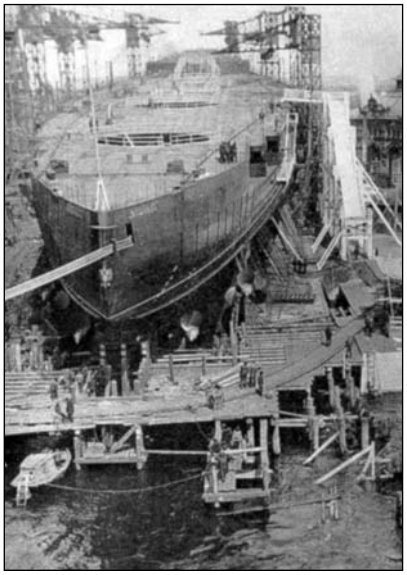
Summary. *The article reveals the importance of the principle of centralized control of mobilization training, as well as the experience to mobilize the economy of pre-revolutionary Russia and the Soviet Union before and during the world wars.*
Keywords: *Russia; USSR; mobilization training; centralized control; First and Second World Wars.*

ПОСЛЕ опубликования новой Военной доктрины Российской Федерации, утверждённой Указом Президента РФ № 146 от 5 февраля 2010 года, в некоторых средствах массовой информации появились рассуждения о том, что унаследованная от СССР система мобилизационной подготовки устарела и от неё нужно отказаться. При этом подвергалась сомнению необходимость основополагающего принципа этой деятельности — централизованного управления, а также мобилизационного планирования, взамен предлагались добровольное участие предприятий в мобилизационной подготовке по примеру США и создание самонастраивающейся системы.

Конечно же, опыт любых стран полезно изучать. Но к нему надо относиться разумно, особенно в тех случаях, когда сами творцы иноземного опыта оценивали его отрицательно. Например, видный военачальник и 34-й президент США Д. Эйзенхауэр дал разгромную оценку мобилизационной подготовке Америки ко Второй мировой войне: «Уже целый год в Европе шла война, прежде чем Америка проявила беспокойство о своей обороне, находившейся в жалком состоянии. Когда в 1939 году страна предприняла первые шаги по пути укрепления своей военной организации, она начала с такого низкого уровня, на который только могла позволить себе опуститься великая держава, то есть, почти с нуля»[1]. Это, писал Эйзенхауэр, случилось впервые за всю историю страны.

А фашистская Германия к тому времени создала огромный военно-экономический потенциал. С 1934 по 1940 год увеличила военное производство в 22 раза, численность своих вооружённых сил — в 35,8 раз (со 105 тыс. до 3755 тыс. человек), а к середине 1941 года — в 69,5 раза (около 7,3 млн), кроме того, в них было свыше 1,2 млн вольнонаёмных. Для обеспечения этих полчищ всем необходимым и подготовки агрессии против СССР использовались не только возможности германской экономики, но и вооружение, промышленность, сельское хозяйство и транспортная инфраструктура, запасы сырья и рабочая сила оккупированных стран.

Советский Союз в то время выполнял третий пятилетний и очередной мобилизационный планы, направляя значительные усилия на подготовку к защите от агрессии, которая, как считало руководство страны, будет неизбежной, а война — затяжной. Результаты мобилизационной подготовки того времени проверены Великой Отечественной войной. К её началу советские Вооружённые силы насчитывали 5,7 млн человек[2]. В ходе войны были мобилизованы ещё 29 млн 574,9 тыс. человек[3]. Несмотря на огромные потери, быстро и эффективно перестроенная на военный лад экономика СССР успешно решила задачи обеспечения фронта вооружением, военной техникой, имуществом и продовольствием. Советский Союз в годы войны производил оружия и военной техники в 2 раза больше и лучшего качества, чем фашистская Германия[4]. Таких результатов не удалось бы достичь без заблаговременной подготовки к переводу народного хозяйства на военные рельсы и централизации экономики.



Линейный корабль «Измаил» на стапеле Балтийского завода *1915 г.*

Экономика США в годы Второй мировой не испытывала такого напряжения и, как свидетельствует приведённая выше оценка военачальника и главы американского государства, выдержать не смогла бы.

Кроме того, крайне важно учесть, что ни сегодня, ни в обозримой перспективе никто не способен угрожать суверенитету и территориальной целостности США, окружённых двумя океанами и более слабыми странами. А Рос-

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ ПОСТАНОВИЛ...

Аннотация. *В статье рассматриваются некоторые вопросы использования алкоголя в действующей армии в годы Великой Отечественной войны.*
Ключевые слова: *Красная армия; продовольственный паёк; наркомовские 100 граммов.*

Summary. *The article discusses some issues of alcohol use in the Army during Great Patriotic War.*
Keywords: *Red Army; food ration; People's Commissariat's 100 grams.*

КТО не слышал о фронтовых 100 граммах?! Их называли и наркомовскими, и ворошиловскими, но в любом случае ветераны вспоминают об этом с доброй улыбкой. Говорят, что начало фронтовым 100 граммам было положено ещё во время Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. Именно тогда нарком обороны К.Е. Ворошилов предложил ввиду сильных морозов выдавать бойцам и командирам ежедневно по 100 г водки, лётчикам — коньяка. Этот шаг был поддержан правительством, но так как идея исходила от наркома, за 100 граммами прочно закрепилось название «наркомовские»[1].

Вообще же история вопроса уходит в более давние времена: размеры продовольственного пайка были установлены ещё Петром I. В феврале 1705 года указом царя определялось «хлебное жалование» всем без исключения нижним чинам. При пребывании же войск за пределами России предусматривалась выдача дополнительных «порционов», куда входили две чарки вина (чарка — около 125 г) и один гарнц пива (гарнц — 3,28 л) в день.

Следует пояснить, что во всех торговых, административных и юридических документах с 1659 по 1765 год употребляется слово «вино». Официальный термин «водка» впервые появился в указе императрицы Елизаветы Петровны от 8 июля (ст. ст.) 1751 года.

Отношение к алкоголю в вооружённых силах было неоднозначным. Первые лица государства не раз издавали строгие указы, запрещающие выдачу водки военнослужащим, дабы не спаивать армию, военачальники же обосновывали необходимость алкоголя как для поднятия боевого духа, так и в качестве лекарства. Если верить В.С. Пикулю, Г.А. Потёмкин внушал генералам: «Преследуйте пьянство сугубое, но от чарки казённой солдат не отвращайте».

С началом Крымской войны Николай I подписал указ, которым была определена выдача нижним чинам действующей армии ежедневно по чарке водки, что составляло по армии примерно 624 тыс. вёдер. После окончания войны Управление снабжения Крымской армии и её начальник генерал-майор Ф.К. Затлер подвергались критике за то, что денег на вино было израсходовано гораздо больше его номинальной стоимости. Ф.К. Затлер оправдывал перерасход тем, что «в Крыму выделывается только виноградное вино, солдатам же было положено отпускать "вино 6-й пробы, так называемый полугарь", а его приходилось закупать в других районах по более высоким ценам»[2]. Надо сказать, что в ходе проведения военной реформы 1905—1912 гг. в средствах массовой информации появились статьи, авторы которых предлагали исключить из норм снабжения военнослужащих водку, чтобы не спаивать армию и флот.

Таким образом, наркомовские времён Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. появились не на пустом месте. 22 августа 1941 года Государственный комитет обороны принял постановление № 562 о выдаче с 1 сентября 1941 года красноармейцам и начальствующему составу передовой линии действующей армии 40-градусной водки в количестве 100 г в день на человека. Порядок выдачи спиртного регулировался приказом Народного комиссариата обороны № 0320 от 25 августа 1941 года, а непосредственное распределение его между частями поручалось командующим фронтами. Причём в направленном им документе особый акцент делался на то, чтобы строжайше соблюдались порядок и нормы выдачи водки. Так, к примеру, указывалось, что наравне с частями передовой линии водка должна отпускаться лётному составу ВВС, выполнявшему боевые задания, и инженерно-техническому персоналу, обслуживавшему полевые аэродромы действующей армии[3]. Так что тыловикам официально спиртного не полагалось.

Доставка горячей пищи на передовую
Фотограф неизвестен. 1943 г.

Весной 1942 года потребление спиртного на передовой линии попытались снизить, справедливо полагая, что холода закончились и фронтовики могут обойтись без стимуляции. В подготовленном к публикации Постановлении ГКО от 11 мая 1942 года говорилось: «Прекратить с 15 мая 1942 года массовую ежедневную выдачу водки личному составу войск действующей армии. Сохранить ежедневную выдачу водки только военнослужащим частей передовой линии, имеющим успехи в боевых действиях против немецких захватчиков, увеличив норму выдачи водки военнослужащим этих частей до 200 г на человека в день»[4]. Но Главнокомандующему такая «чарка» показалась великовата. На проекте документа цифра 200 зачёркнута крас-

ОСОБЕННОСТИ ОДИНОЧНОЙ ПОДГОТОВКИ КАЗАКОВ К ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ

Аннотация. *В статье рассказывается о первоначальной военной подготовке казаков как одной из составляющих системы воинского воспитания молодого поколения в казачьей культуре.*
Ключевые слова: *казаки; джигитовка; пластуны; военная служба; одиночная подготовка.*

Summary. *The article describes the initial military training of the Cossacks as a component of the system of military education of young generation in the Cossack culture.*
Keywords: *Cossacks; fancy riding; scouts; military service; individual training.*

КАЗАЧЕСТВО как военное сословие имело своё организационное устройство и несло военную службу на особых условиях. Следует отметить, что казачество являлось внушительной военной силой Российской империи. Так, в 11 казачьих областях, занимавших площадь почти 608 930 км^2, на 7305 тыс. человек населения приходилось 3381,6 тыс. служилых казаков, т.е. практически половина. Из приведённой ниже таблицы видно, как распределялось войсковое население по казачьим областям.

Джигитовка терских казаков

На службу казак являлся, как правило, на своём коне, в своём обмундировании, со своим оружием и в целом подготовленным к ведению боевых действий.

Подготовка к военной службе начиналась с самого раннего возраста, можно сказать, с появлением младенца на свет. Новорождённым дарили ружья, патроны, порох, пули, лук и стрелы. Всё это развешивалось на стене рядом с местом, где лежала родительница с сыном. По истечении сорока дней, после того как мать выполняла очистительную молитву, отец надевал на ребёнка портупею от шашки, и, придерживая холодное оружие своей рукой, сажал сына на коня, потом возвращал матери, поздравляя её с рождением казака. Когда же у малыша прорезывались зубы, родители вновь сажали его на лошадь и везли в церковь, где служили молебен Ивану-воину[1]. Трёхлетние мальчики уже свободно ездили на лошади по двору, а в пять лет скакали по степи. Стрелять учились с семи лет, рубить шашкой — с десяти.

Таблица

Население казачьих областей России по состоянию на 1 января 1904 года

№ п/п	Войско	Всех сословий, тыс. чел.	Войскового сословия, тыс. чел.
1	Донское	2779	1184
2	Кубанское	2165	964
3	Терское	1007	197
4	Астраханское	36,6	31
5	Уральское	244	134
6	Оренбургское	508	426
7	Сибирское	230	134
8	Семиреченское	40,8	32
9	Забайкальское	225	217,8
10	Амурское	29,7	27,7
11	Уссурийское	39,9	34,1

Сыновьям казачьих офицеров времени на детские игры отпускалось меньше, чем сыновьям простых казаков. Как правило, с пяти—семилетнего возраста отцы забирали их с собой на службу, а часто — и на войну[2].

Общинный характер обучения и воспитания у казаков выражался в том, что о молодом поколении заботились не только семьи, но и вся станица, что привело к появлению института общественных воспитателей — своего рода наставничества старшего поко-

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И США В 1860—1870 гг.

Аннотация. *В статье на основе архивных документов исследуется военно-техническое сотрудничество России и США в 1860—1870-х гг.*
Ключевые слова: *русские и американские оружейники; Х. Бердан; С. Кольт; А. Горлов; К. Гунниус; заимствование с усовершенствованием.*

Summary. *The article based on archival papers examines the military-technical cooperation between Russia and the United States in 1860 —1870-s.*
Keywords: *Russian and American gunmakers; H. Berdan; S. Colt; A. Gorlov; K. Gunnius; borrowing with improvement.*

ПОРАЖЕНИЕ России в Крымской (Восточной) войне (1853—1856 гг.), побудившее к реформированию армии, поставило царское правительство перед необходимостью поиска новых образцов вооружения и внедрения современных технологических процессов в их производство. Расчёт при этом делался на техническую помощь Соединённых Штатов Америки (США). Впрочем, первые шаги в столь необходимом для России сотрудничестве были предприняты американскими оружейниками ещё в 1840-е годы. Так, только знаменитый изобретатель Кольт в поисках выгодных контрактов для своей компании успел трижды посетить Россию (1854, 1856 и 1858 гг.)[1].

Направляя в заокеанскую поездку (сентябрь 1866 г.) гвардейской артиллерии полковника А.П. Горлова и штабс-капитана К.И. Гунниуса, Военное министерство ставило перед собой конкретную цель, которая трактовалась так: «Окончательным результатом производившихся у нас исследований над усовершенствованием ручного огнестрельного оружия будет, без сомнения... принятие для вооружения войск скорострельных ружей одной из американских систем, действующих металлическими патронами»[2].

Это была не первая командировка российских специалистов в США. Например, упоминавшийся выше полковник Горлов впервые был отправлен туда в 1864-м, как следовало из его личного дела, по высочайшему повелению «для собрания сведений об употребляемых там орудиях и снарядах».

Более грамотного специалиста для выполнения данного поручения трудно было отыскать. Ведь ещё за шесть лет до столь ответственной поездки он проводил испытания мортирных станков при Калужском артиллерийском гарнизоне, а годом позже находился за границей для сбора «различных сведений по артиллерийской части». Незадолго до командировки в Соединённые Штаты (1864 г.) Горлов посетил Англию в поиске полезной информации о постройке лафетов[3]. Результатом же поездки в Америку Горлова и Гунниуса в 1866 году, как задумывали в Военном министерстве, должен был стать заказ скорострельных ружей систем Лэдли и Пибоди[4]. Облегчая задачу российских специалистов и повышая их официальный авторитет в переговорном процессе, МИД сперва (1868 г.) включил Горлова в штат российской миссии в Вашингтоне, а затем (1868 г.) назначил российским военным агентом при правительстве США с местопребыванием в Хартфорде.

В ходе проведённых российскими офицерами опытов с различными марками ружей и патронов к ним из всех известных систем наиболее подходившей для вооружения российских войск, по их оценкам, была признана винтовка системы Бердана[5] 45 калибра, производившаяся на предприятии Кольта. Но и она имела множество недостатков, для устранения которых потребовалась продолжительная кропотливая работа. Учитывая это, вице-президент компании генерал Франклин предоставил российским экспертам необходимые условия для усовершенствования взятого за основу образца. Более того, они вместе с членами правительственной комиссии США участвовали в испытаниях нового стрелкового оружия для американской армии, получив таким образом доступ к интересовавшей их информации Патентного бюро и завязав контакты с ведущими местными оружейниками.

Работая бок о бок с самим Берданом, российские эксперты внесли вместе с тем и около 25 изменений в исходные параметры винтовки, прежде чем она стала отвечать требованиям, поставленным российским Военным министерством. В частности, была модифицирована конструкция затвора, создан новый механизм для извлечения гильз, уменьшен диаметр ствола. Последнее, в свою очередь, потребовало уменьшения диаметра металлического патрона с 45 до 42 калибра. Новое оружие, которое и в США окрестили «русской винтов-

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И БЕЛЬГИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. *В статье на основе архивных материалов освещается российско-бельгийское военно-политическое сотрудничество во время Первой мировой войны.*
Ключевые слова: *Первая мировая война; Россия; Бельгия; военно-политическое сотрудничество.*

Summary. *The article based on archival materials covers the Russian-Belgian military-and-political cooperation during the First World War.*
Keywords: *World War I; Russia; Belgium; military-and-political cooperation.*

2 АВГУСТА 1914 года* Германия предъявила нейтральной Бельгии ультиматум с требованием предоставить немецким войскам возможность пройти по её территории во Францию. Бельгия ответила отказом, и 4 августа германская армия перешла её границу. По сути, Бельгия вступила в Первую мировую войну на стороне Антанты, не подписав политического соглашения о союзничестве.

В первые дни войны бельгийская армия оказала стойкое сопротивление в районах Льеж — Намюр, задержав наступление немцев на Францию. В результате военных действий в Бельгии с 4 августа по 12 сентября немецкие планы были нарушены, германские войска перешли бельгийско-французскую границу через 23 дня после начала мобилизации во Франции.

В первый же день германского вторжения, 4 августа, российский посланник при бельгийском дворе И.А. Кудашев секретной телеграммой сообщил о заявлении, сделанном ему министром иностранных дел Бельгии: «Бельгийское правительство с прискорбием должно сообщить российскому императорскому правительству, что сегодня утром вооружённые силы Германии в нарушение установленных договором обязательств вступили на бельгийскую территорию. Королевское правительство твёрдо решило сопротивляться всеми средствами, находящимися в его распоряжении. Бельгия обращается к Великобритании, Франции и России как к державам-поручительницам с призывом о сотрудничестве в защите её территории. Это будет согласованная и общая акция, имеющая целью сопротивление насильственным мерам, применённым Германией к Бельгии, и вместе с тем гарантией независимости и неприкосновенности Бельгии в будущем. Бельгия счастлива возможностью заявить, что она возьмёт на себя защиту укреплений»[1].

Россия стала в войне неформальным союзником Бельгии, так как де-юре договора о союзнических отношениях между двумя государствами, а также Бельгии с другими странами Антанты не было. Этим отношениям предшествовало многолетнее сотрудничество двух стран. Оно заключалось не только в том, что Лондонским договором 1839 года (именуемым также Конвенцией 1839 года) Россия вместе с другими европейскими державам гарантировала независимость и нейтральный статус Бельгии[2], но и в развитии дипломатических, экономических и культурных связей. В 1880—1900 гг. в России функционировали 147 бельгийских предприятий. С конца XIX века бельгийское индустриальное присутствие в России выражалось в электрификации Санкт-Петербурга, Казани, Одессы, поставке трамваев в Киев, Ташкент, Астрахань, оружейных производствах Нагана и т.д. Значительной статьёй бельгийского экспорта было оружие.

Один из бронеавтомобилей Бельгийского бронеотряда в Галиции

В ходе Первой мировой войны Россия оказывала дипломатическую поддержку Бельгии. Её отражает дипломатическая переписка российского МИДа — донесения российских посланников и военных агентов в Брюсселе и Гааге. Так, 8 августа 1914 года Николай II выразил своё отношение к происходившему в телеграмме королю Альберту I. В ней были такие строки: «С чувством глубокого восхищения мужественной бельгийской армией, Я прошу Ваше Величество поверить в Мою сердечную симпатию и принять Мои лучшие пожелания успеха в этой героической борьбе за независимость своей страны»[3]. В ответной телеграмме, полученной в Петергофе 9 августа, король Бельгии Альберт I от имени армии и бельгийской нации поблагодарил Николая II за пожелания[4]. В следующей телеграмме император сообщил о восхищении тем, что бельгийская армия первой оказала сопротивление завоевателю. «В качестве свидетельства этого восхищения, которое я разделяю вместе со всей Россией, — писал Николай II, — Я прошу Ваше Величество принять рыцарский крест Святого Георгия, Моего военного ордена, который жалуется только храбрым людям»[5]. В сборнике бельгийских дипломатических документов, так называемой бельгийской «Серой книге» есть телеграмма министра иностранных дел России С.Д. Сазонова министру иностранных дел Бельгии Ж. Давиньону от 13 августа, в которой отражена официальная позиция нашей страны. Российское правительство выразило поддержку непреклонной позиции королевского правительства[6].

Строки из донесений от 19 сен-

* Здесь и далее даты — по новому стилю.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РУССКОЙ ПОЛЕВОЙ АРТИЛЛЕРИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Аннотация. *Статья посвящена развитию отечественной полевой артиллерии в XVIII—XIX вв.*
Ключевые слова: *«гатчинские войска»; «екатерининская» и «павловская» артиллерия; матчасть; боеприпасы.*

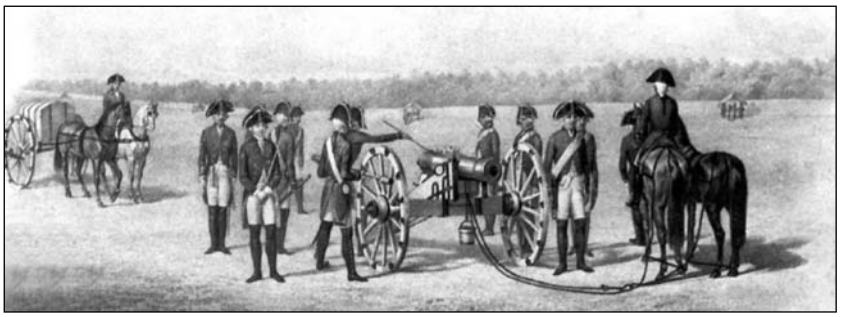
Summary. *The article is devoted to the development of domestic Field Artillery in XVIII—XIX centuries.*
Keywords: *"Gatchina troops"; "Catherine's" and "Pavlov's" artillery; materiel; munitions.*

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ, касающиеся русской артиллерии (в первую очередь в области материальной части и боеприпасов), происходившие на рубеже XVIII — XIX вв., приобрели особо важное значение в связи с ожидаемым вооружённым столкновением России с Францией.

Вступивший в 1796 году в царствование Павел I взял под личный контроль приведение артиллерийской матчасти в соответствие с теми требованиями, которые он предъявлял к ней ещё до восшествия на престол в созданных им в ту пору «гатчинских войсках».

Новые орудия полевой артиллерии были приняты на вооружение уже в феврале 1797-го. Если раньше их разновидность составляла 11 «нумераций по калибру», то теперь было оставлено только 4 (6- и 12-фунтовые пушки и $^1/_4$- и $^1/_2$-дюймовые единороги)[1].

Особое внимание уделялось орудийным лафетам, которые, по свидетельству одного из исследователей, «строились по указанию генерала Эйлера». От прежних они отличались тем, что имели «более сообразное распределение оковок, уменьшение их числа, меньший угол перелома лафета, расположение цапфенных гнёзд впереди оси для более лёгкого поднимания хобота»[2]. Кроме того, между станинами лафетов полевых орудий были устроены небольшие ящики для принадлежности, а также деревянные рычаги (гандшпуги), предназначенные для изменения угла горизонтальной наводки, которые подкладывались под хобот[3]. Более удобными стали правила, облегчившие горизонтальную наводку[4]. Вместе с тем подъёмный клин орудий образца 1797 года сохранил прежнюю конструкцию[5].



Пешая артиллерия «гатчинских войск»
Литография середины XIX в.

Изменения в первую очередь коснулись пушечных лафетов[6], однако манёвры 1798 года показали несовершенство этой важной составной части и у единорогов. По рекомендации генерал-лейтенанта А.О. Базина лафеты последних уступили место облегчённым конструкциям 12-фунтовых пушек «средней пропорции»[7].

При сравнении тактико-технических характеристик полевых орудий образца 1780—1790 и 1797 годов видно, что «павловские» значительно легче, чем «екатерининские», и имеют меньшую длину стволов[8]; для них также были введены передки с дышлом и ящиком[9]; упряжь, как и в «гатчинских войсках», «оставалась шорная»[10].

«Таким образом, — подытожил исследователь, — наконец... полевая артиллерия, получив более однообразную материальную часть, отделалась навсегда и от прежних тяжёлых орудий, большего калибра, чем 12 фн., слишком тяжёлых и непригодных для действия в поле, и от орудий слишком малого калибра, меньше 6 фн., слабо действовавших картечью — главным тогда снарядом»[11].

Впрочем, «павловская матчасть» имела и недостатки. Так, двухколёсные зарядные ящики, введённые в русской артиллерии для уменьшения её обоза в походе ещё при Петре Великом, были заменены малоподвижными и неповоротливыми четырёхколёсными зарядными фурами. За пример было взято «транспортное средство», использовавшиеся во французских войсках, страдавшее малой мобильностью[12]. Весьма тяжёлыми, крупногабаритными и неповоротливыми были и походные кузницы[13]. И всё же в общем и целом орудия образца 1797 года можно признать гораздо совершеннее по сравнению с предшествующими[14].

«К началу XIX века, — отмечали исследователи, — отчётливо определились новые требования к артиллерии. Эти требования были вызваны ростом численности армий, возросшей подвижностью и маневренностью войск и утверждением тактики колонн и рассыпного строя. В связи с этим перед полевой артиллерией особенно остро встали задачи массирования огня, увеличения прицельной дальности стрельбы и повышения подвижности полевых артиллерийских орудий»[15]. Исходя из обстоятельств, для разработки более современного оружия в 1802 году была создана специальная комиссия[16] под председательством генерал-лейтенанта А.А. Аракчеева[17]. В неё также были вклю-

УПУЩЕННАЯ ПОБЕДА?

Некоторые обстоятельства боя 1-й Тихоокеанской эскадры 28 июля 1904 года в Жёлтом море

Аннотация. *В статье на основе сравнительных оценок различных документов и публикаций исследуются спорные подробности морского боя (28 июля 1904 г.) между русской и японской эскадрами.*
Ключевые слова: *Русско-японская война 1904—1905 гг.; Жёлтое море; осаждённый Порт-Артур; неудачный прорыв русской эскадры; контр-адмирал В.К. Витгефт; адмирал Х. Того.*

Summary. *The article based on comparative assessments of various documents and publications investigates the controversial details of the sea battle (July 28, 1904) between the Russian and Japanese squadrons.*
Keywords: *Russian-Japanese War of 1904—1905; Yellow Sea; besieged Port Arthur; unsuccessful breakthrough of the Russian squadron; Rear-Admiral V.K. Vitgeft; Admiral H. Togo.*

Несмотря на то что события Русско-японской войны 1904—1905 гг. постоянно находятся в центре внимания исследователей и всех интересующихся историей флота, о чём свидетельствует непрекращающаяся полемика в печати и на интернет-форумах, обстоятельства этого боя заслоняются другими драматическими событиями. Между тем русский флот, можно сказать, впервые в том противостоянии на море на равных сражался с японским. Правда, из-за неблагоприятного стечения обстоятельств не была достигнута цель русской эскадры — прорыв во Владивосток, и рассеянные русские корабли частью вернулись в Порт-Артур, а частью были интернированы в иностранных портах.

Причиной «упущенной победы»[1] часто называют нерешительность контр-адмирала В.К. Витгефта[2], уклонявшегося от открытого сражения с противником[3]. В противоположность такой тактике часто приводят действия командира броненосца «Ретвизан» капитана 1 ранга Э.Н. Щенсновича, «бросившегося со своим кораблём на врага» в критический момент боя и даже пытавшегося таранить японский броненосец[4]. Кроме того, в исторических исследованиях[5] можно найти упоминание о том, что японский адмирал Того собирался выйти из боя, считая его проигранным, и лишь неожиданный выход из строя русского флагманского броненосца позволил ему отказаться от поспешного решения. Исследуя архивные документы, анализируя рассуждения и выводы, содержащиеся в публикациях[6], автор статьи делает попытку разобраться в обстоятельствах боя.

Приступая к исследованию довольно спорной темы и не считая себя вправе осуждать участников давних событий, всё же напомню, что офицеры российского императорского флота были достаточно подготовлены и опытны; противника они видели реального, а не на картах и схемах и гибли от настоящих снарядов, а не от смоделированных на компьютере. Да и следственная комиссия МГШ, судя по её заключениям, разобралась достаточно глубоко для того, чтобы преодолеть ошибки и негативные тенденции прошлого, воссоздав и подготовив флот к назревавшему общеевропейскому конфликту. Ныне живущим тоже необходимо дать правильную оценку кочующим из книги в книгу утверждениям, зачастую необоснованным и не подкреплённым фактами. А они, эти факты, указанные в рапортах русских и японских командиров, в свидетельствах участников событий, должны быть на первом месте при освещении перипетий той войны.

Что же предшествовало «спорному бою»?

После гибели вице-адмирала С.О. Макарова на броненосце «Петропавловск» флотом стал командовать лично царский наместник на Дальнем Востоке адмирал Е.И. Алексеев. Но так как после высадки японцев в Бицзыво он находился в Мукдене, то временно флотские силы в Порт-Артуре возглавлял контр-адмирал Витгефт. В этот момент их состояние было далеко не блестящим: из крупных кораблей погибли броненосец «Петропавловск», крейсер 1 ранга «Варяг», крейсер 2 ранга «Боярин»; получившие пробоины во время атаки японских миноносцев 27 января 1904 года броненосцы «Цесаревич» и «Ретвизан» всё ещё исправляли повреждения и не выходили в море; подорвавшийся на мине 31 марта броненосец «Победа» нуждался в подведении кессона (дока для ремонта броненосцев в Порт-Артуре не имелось); броненосцы «Севастополь» и «Пересвет» устраняли повреждения после столкновения при маневрировании. Словом, русский флот фактически бездействовал, позволяя японцам высаживать десанты и подвозить морем подкрепления[7]. Их корабли блокировали выход в море, и даже потеря ими в начале мая на минных заграждениях двух броненосцев не изменила ситуацию. Российские же военачальники видели пользу Порт-Артурской эскадры в её орудиях и личном составе, которые были задействованы на укреплениях крепости. Тогда-то и было решено перевести эскадру во Владивосток.

К концу мая после завершения ремонтных работ на повреждённых броненосцах вице-адмирал Витгефт стал получать телеграммы от наместника с требованием выхода в море, хотя поступали указания и противоположного характера, «наставлявшие», что именно флот — единственная надежда крепости[8]. Большинство командиров кораблей разделяли точку зрения Витгефта, полагавшего, что с уходом эскадры Порт-Артур неминуемо падёт.

Настаивая на выходе в море, наместник сообщал о том, что японский флот располагает лишь

Н.Н. ЗАИЮЛЬЕВ: «ЕСЛИ ПРИКАЖУТ – СМОГУ»

Аннотация. *Историко-биографический очерк о генерал-майоре Н.Н. Заиюльеве, получившем звание Героя Советского Союза за мужество и воинское мастерство, проявленные в боях с японцами на р. Халхин-Гол в 1939 г.*
Ключевые слова: *Халхин-Гол; Н.Н. Заиюльев (Зайюльев); И.И. Федюнинский.*

Summary. *Historical-and-biographical sketch about Major-General N.N. Zaiyulyev, which received the title of Hero of the Soviet Union for his courage and military skill displayed in the battles against the Japanese near the River of Khalkhyn Gol in 1939.*
Keywords: *Khalkhyn Gol; N. Zaiyulyev (Zayyulyev); I.I. Fedyuninsky.*

Бои на реке Халхин-Гол явились пробой сил для обеих сторон. Япония, потерпев поражение, решила в дальнейшем воздерживаться от прямого военного столкновения с СССР, Красная же армия обогатилась бесценным опытом подготовки и проведения армейской операции с массированным применением танков, артиллерии и авиации в целях окружения и уничтожения крупной группировки противника. Полученный опыт был использован при переработке уставов, создании новых образцов техники и вооружения. За мужество и героизм в боях на Халхин-Голе 24 соединения и части были награждены орденами СССР, а 70 человек удостоены звания Героя Советского Союза. Одним из награждённых был и командир 603-го стрелкового полка (сп) майор Николай Николаевич Заиюльев, впоследствии — участник Великой Отечественной войны, генерал-майор.

Любое жизнеописание принято начинать с даты и места рождения героя. В случае с Николаем Николаевичем таких зачинов приходится делать три. По одной версии Заиюльев родился в 1906 году в посёлке Шахты № 1 (ныне г. Новоэкономическое) Донецкой области (Украина). По другой — 1 ноября 1906 года в селе Заполички, ныне Верхнеднепровского района Днепропетровской области, а по третьей — в 1908 году в посёлке Лиховка Пятихатского района Днепропетровской области[1]. И с фамилией не всё так просто. В комсомольском билете он значился как Зайюль, потом его стали называть Зайюльевым, однако, учитывая, что буква «й» часто пишется как «и», то и фамилия как бы трансформировалась в Заиюльева. Рано потеряв родителей и оставшись круглым сиротой, Николай работал с раннего детства. Не имея возможности в детские годы посещать школу, читать и писать он научился, уже работая шахтёром в Донбассе. Однако тяга к знаниям была столь велика, что Заиюльев продолжал учиться: занимался в совпартшколе в Днепропетровске, затем поступил в Днепропетровский пединститут, после окончания которого работал учителем. Одно время он возглавлял отделагитационно-пропагандистской работы Днепропетровского обкома комсомола. Будучи призванным в Красную армию, Заиюльев служил в пограничных войсках в Закавказье, участвовал в ликвидации мусаватистских и дашнакских банд в районе г. Джульфа, позже служил на иранской границе[2].

С сентября 1930 по ноябрь 1933 года Николай Николаевич обучался в Закавказской пехотной школе имени 26 Бакинских комиссаров[3], после окончания которой продолжил службу в Забайкалье командиром взвода 108-го Белорецкого Краснознамённого полка Особой Краснознамённой Дальневосточной армии (ОКДВА)[4].

«Получив звание среднего командира, Заиюльев в течение шести лет служил в одной части, прошёл по служебной лестнице все ступени от командира взвода до командира батальона»[5]. В феврале 1936 года ему присваивают звание старший лейтенант, а в мае 1939 года — капитан[6].

Н.Н. Заиюльев

«Среди бойцов и командиров Заиюльев пользовался большим авторитетом. Никто никогда не слышал от него резких упрёков в адрес подчинённых, наоборот, он гордился вверенным ему личным составом. Подчинённые понимали комбата с полуслова и чётко выполняли все его приказы и распоряжения»[7].

Благодаря напряжённой боевой учёбе и сам Заиюльев, и личный состав его батальона оказались прекрасно подготовлены к тем событиям, которые раз-

ДИВЕРСИОННО-ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ И БАНДИТСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х ГОДОВ

Аннотация. *Статья посвящена изучению деятельности боевых террористических организаций на территории Псковской губернии в первой половине 1920-х гг. Рассматриваются цели и задачи антисоветских организаций и тактика их действий.*

Ключевые слова: *Гражданская война; диверсионные отряды; бандитизм; крестьяне; граница; Псковская губерния РСФСР.*

Summary. *The article is devoted to the activities of terrorist groups fighting in the Pskov province in the first half of the 1920-s. The aims and objectives of the anti-Soviet organizations and tactics of their actions are considered.*

Keywords: *Civil War; sabotage squads; banditry; peasants; boundary; Pskov province of the RSFSR.*

В результате провала похода на Петроград осенью 1919 года белогвардейская Северо-Западная армия генерала от инфантерии Н.Н. Юденича прекратила боевые действия и перешла на территорию Эстонии. Под давлением эстонского правительства Н.Н. Юденич 22 января 1920 года подписал приказ о ликвидации армии, после чего все военнослужащие, находившиеся на территории Эстонской Республики, формально превращались в гражданских лиц. Этим крупномасштабные боевые действия на Северо-Западе России завершились, но до окончательной победы Советов в разразившейся Гражданской войне было ещё далеко. В частности, здесь, на Северо-Западе, под руководством одного из лидеров антибольшевистского движения Б.В. Савинкова развернулась активная борьба против новой власти. Диверсионные отряды численностью от 50 до 200 человек каждый, подготовленные при поддержке в первую очередь польских властей и польского генерального штаба, направлялись через советскую границу для организации диверсий, уничтожения коммуникаций и средств связи, ликвидации советских работников и антисоветской агитации в среде крестьянства. Перед командирами этих отрядов Савинков ставил также задачу по созданию в приграничных районах РСФСР разведывательно-подрывной сети.

ПСКОВСКАЯ губерния, непосредственно примыкавшая к Эстонии и Латвии, а в результате захвата польскими войсками в 1919 году значительной части Белоруссии приблизившаяся к враждебной Советам Польше, являлась, по мнению Савинкова, идеальной площадкой для организации антисоветского движения. Здесь можно было без труда преодолевать пограничные рубежи[1], причём в обоих направлениях, легко укрываться в лесисто-болотистой местности, вербовать сторонников из числа скрывавшихся на территории губернии дезертиров, разного рода повстанцев и мелких бандитских групп, почти безнаказанно действовавших в ту пору на Псковщине. Эти бандформирования, как правило, активно подпитывались из-за границы. Их командиры сотрудничали с латвийской или польской разведками, наладили контакты с савинковским «Народным союзом защиты Родины и свободы», офицеры-инструкторы вели здесь занятия по диверсионно-террористическому делу. Весьма крупные бандформирования располагались на территории Дединского, Ормейского и Заситинского сельсоветов Себежского уезда, в районе железнодорожной станции Идрица.

Летом 1920 года псковские бандформирования пополнились группами, подчинёнными Б.В. Савинкову. Они совершили ряд успешных налётов на населённые пункты Псковской и соседней Витебской губерний. Так, в Хорлашево в августе 1920 года были убиты 250 красноармейцев и лиц комсостава, захвачены три трёхдюймовых орудия и «много другого оружия и снаряжения»[2]. Тем не менее своей основной задачи — поднять восстание в Псковской губернии и тем самым облегчить наступление польской 5-й армии генерала В. Сикорского, наносившей контрудар в стык между советскими 3-й и 5-й армиями Западного фронта[3], савинковским группам выполнить не удалось, а к осени значительную их часть уничтожили. Рядовые члены банд, уставшие от подобного образа жизни, либо добровольно сдавались милиции, либо просто разбегались по родным деревням.

Значительная активизация террористических групп и разгул бандитизма в Псковской губернии заставили власти обратить серьёзное внимание на укрепление пограничных рубежей и усиление спецслужб[4]. В результате совместной деятельности чекистов и пограничников был ликвидирован сформированный в Эстонии диверсионный отряд «Гатчинское направление»[5], разгромлены многие бандитские шайки и диверсионные группы. Однако это не остановило организаторов антисоветской борьбы. Так, Б.В. Савинков, возглавлявший в Варшаве во время Советско-польской войны 1920 года «Русский политический комитет», не терял надежды на «взрыв изнутри» — массовую крестьянскую войну против Советской власти.

В июне 1921 года на съезде «Народного союза защиты Родины и свободы» в Варшаве Савинков представил план восстания в Советской России и схему действий созданных им подпольных организаций. На съезде присутствовали представители военных миссий стран Антанты, одобрившие в целом план Савинкова. Стремясь заручиться поддержкой Англии, Б.В. Савинков в письме к Черчиллю писал, что в середине 1921 года единственной антибольшевистской силой, не сложившей оружия, является крестьянское повстанчество — «зелёное движение», которому остаётся только «придать организованную форму». Далее Б.В. Савинков отмечал: «Россия ни в коем случае не исчерпывается двумя враждующими лагерями (красным и белым), огромное большинство России — крестьянская демократия. Пока вооружённая борьба с большевиками не будет опираться на кре-

БОРЬБА С ПИРАТСТВОМ НА КАСПИИ В 1730—1740 гг.

Аннотация. *В статье исследуются проблемы взаимоотношений России и Персии, связанных договорными обязательствами по борьбе с пиратством на Каспии в 1730—1740 гг.*
Ключевые слова: *Каспийское море; коммерческие пути; «воровские людишки»; торговые суда и военные корабли; воинские команды.*

Summary. *This article studies the problems of relations between Russia and Persia, which were bound by contractual obligations to fight against piracy in the Caspian Sea in the years of 1730—1740.*
Keywords: *Caspian Sea; commercial ways; "thieving people"; merchant ships and warships; military commands.*

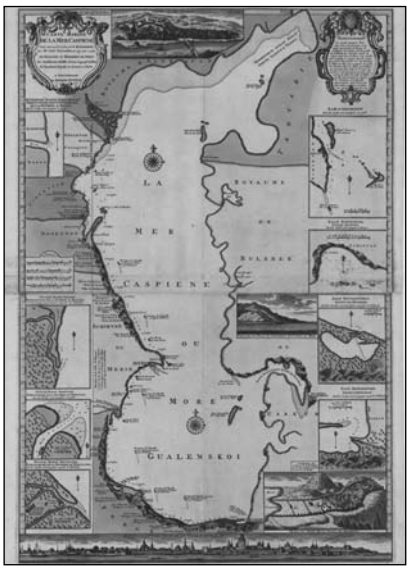
ОБЕСПЕЧЕНИЕ безопасности торговых путей во все времена считалось непременным условием различных межгосударственных и межведомственных экономических договоров, сделок. Стабильная ситуация, оказывая существенное влияние на расширение взаимовыгодного торгового оборота, привлекала деловых людей, а отсутствие таковой сдерживало движение капиталов и товаров. Чтобы каким-то образом решить эту проблему, западноевропейские крупные компании, например, вынуждены были во многих случаях нанимать военные корабли для сопровождения караванов судов, прибегая вместе с тем к услугам страховых обществ. При отсутствии же последних в России столь важные функции брало на себя государство, организовывая в первую очередь борьбу с пиратством и разбоем.

Серьёзное значение придавалось Прикаспийскому региону, о чём свидетельствуют исторические работы, а также переписка российских дипломатов и консулов с центральными и пограничными властями.

Исследователь российской коммерции XVIII века М.Д. Чулков приводил в своих трудах[1] многочисленные сведения о разбойных нападениях на торговые суда в бассейне Каспийского моря. Нашли отражение подобные эпизоды в сочинениях некоторых других авторов[2]. Однако они, как правило, ограничивались лишь констатацией отдельных фактов из истории морского разбоя в данном регионе, на основании которых трудно сделать какие-либо обобщающие выводы. Даже в обстоятельной, казалось бы, монографии М. Кирокосьяна, посвящённой истории пиратства на Каспийском море, отсутствует, на наш взгляд, достаточная степень полноты[3]. Так, раздел, посвящённый «пиратам российской нации» в первой половине XVIII века, по сути является пересказом уже известного исторической науке. А между тем архивные источники свидетельствуют, что именно в этот период наиболее ярко проявились причины, породившие пиратство на Каспии, вытекавшие из торговой активности России и Персии, а точнее, коммерческого противоборства между ними. Оно же, это противостояние, ещё больше усилилось с изменением геополитической ситуации в данном регионе, произошедшей в середине 1730-х годов, в частности, рост грузоперевозок, сокращение военного флота России на Каспии в послепетровский период, вывод российских войск из прикаспийских провинций и возвращение их Персии. Всё это в совокупности привело к ослаблению контроля над обширными пространствами, в то время как Персия, утверждая здесь своё присутствие, не располагала средствами для эффективной борьбы с пиратством.

В этих условиях морские разбойники чувствовали себя на Каспии в относительной безопасности. Они умело пользовались особенностями прибрежной местности, заросшей камышом, где было удобно прятаться. Вдоль всего юго-западного побережья, в том числе на островах, у них имелись стоянки. Пользуясь ситуацией, они большими группами нападали на торговые суда, стараясь уклоняться от встреч с воинскими командами, направлявшимися против них из Астрахани или формируемыми персами в нескольких городах.

Действия пиратов в 1730—1740-х гг. носили разнообразный характер — от скрытых одиночных нападений на торговые суда из засад в устьях рек



Карта Каспия

до многочисленных рейдов на прибрежные селения, причём участниками этих акций были не только российские подданные, но и туркмены. Иногда нападавшие образовывали смешанные группы.

Особенно усилились разбои в 1730-х годах. Так, гилянский визирь, судя по документам, утверждал (1732 г.), что «располагает сведениями об ограблении морскими разбойниками четырёх кораблей»[4]. Подтверждал подобные факты и российский консул. «Майя ж 26 дня, — доносил он, — в Гилянских провинциях близ Ленгерута астраханских купцов Ивана Блинова, Ивана Козлова, приехав на судно в одной лодке воров 25 человек, ограбили, и в то время на судах пассажиров никого не было… и против оных отпору чинить было некому»[5]. Пиратам досталась богатая добыча. Они захватили огнестрельное оружие и драгоценности на 490 рублей, а также товары, принадлежавшие персидским купцам.

У «пиратов российской нации» существовала жёсткая традици-

«ВСЕГДА ПЕРВЫЙ НА КОНЕ И ПОСЛЕДНИЙ НА ОТДЫХЕ»

Из военной биографии М.Ю. Лермонтова

Аннотация. *Статья посвящена военной службе великого русского поэта М.Ю. Лермонтова.*
Ключевые слова: *поэт; М.Ю. Лермонтов; дуэль; Кавказский корпус; Валерик.*

Summary. *Article is devoted to the military service of the great Russian poet M.Yu. Lermontov.*
Keywords: *poet; M.Yu. Lermontov; duel; Caucasian Corps; Valerik.*

ИССЛЕДОВАТЕЛИ жизни и творчества М.Ю. Лермонтова по-разному объясняют его поступление на военную службу: невозможностью применить свои силы на другом поприще, желанием следовать примеру товарищей и др. Думается, были причины и в преемственности и полученном воспитании.

Уже в детские годы рано проявившиеся военные пристрастия Лермонтова опирались, прежде всего, на его родовую память. Воспитателем будущего поэта был пленный офицер наполеоновской гвардии Ж. Капе, чьи рассказы способствовали развитию в мальчике любви к боевой службе и военным подвигам. Как отмечал один из исследователей творчества Михаила Юрьевича, «уже с детства романтическая голова поэта была переполнена воинственными порывами; его влекло к сильным ощущениям, к борьбе с опасностями; он мечтал о боях, геройских подвигах и питал страсть к военным людям и военному быту»[1].

Военная служба Лермонтова началась 10 ноября* 1832 года с зачисления его, «недоросля из дворян», кандидатом в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Через четыре дня будущий поэт был в неё зачислен на правах вольноопределяющегося унтер-офицера лейб-гвардии Гусарского полка, а 18 декабря он, согласно приказу командира Школы, становится юнкером «с показанием по спискам из дворян»[2].

Итак, Лермонтов, отказавшись от мысли продолжить обучение в Петербургском университете, зная, что военная служба, особенно в гвардии, принадлежала в то время к разряду блестящих профессий, принял решение стать офицером. Без сомнения, здесь сыграл определённую роль совет двоюродного дяди поэта, отставного штаб-ротмистра лейб-гвардии Гусарского полка А.Г. Столыпина. Кроме того, в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров готовились поступать некоторые родственники и друзья Михаила Юрьевича, в том числе Михаил Столыпин, Николай Юрьев и Николай Поливанов[3].

В ноябре 1832 года один из московских приятелей поэта А.А. Лопухин писал ему: «Здравия желаю! Любезному гусару! — Право, мой друг Мишель, я тебя удивлю, сказав, что не так ещё огорчён твоим переходом, потому что с живым характером твоим ты бы соскучился в статской службе…»[4]. Следует заметить, что в то время для молодых дворян самой престижной была военная карьера. Всех гражданских чиновников называли «подьячими». По утверждению Герцена, чтобы считаться светским человеком, нужно было два года прослужить в гвардии или хотя бы в кавалерии. В 20—30-х гг. XIX столетия гражданская служба, «штатские» занятия были в высшем свете если не презираемы, то во всяком случае, не внушали достаточного уважения.

Не исключено, что при выборе военного поприща Лермонтовым руководило желание так или иначе осуществить свою мечту — выдвинуться, добиться славы, первенствовать. Безусловно, на принятие такого решения оказало влияние и стремление тогдашней молодёжи, за редким исключением, надеть производивший на неё особое обаяние офицерский мундир[5].

Спустя два года и один месяц после поступления в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров корнет Лермонтов прибыл для прохождения дальнейшей службы в лейб-гвардии Гусарский полк. В тот самый, который в октябре 1814 года нарушил топотом своих коней тишину Царского Села, разместившись в его бывшем уездном городке Софии. В тот самый полк, который за мужество и храбрость, проявленные в Отечественной войне 1812 года, был награждён тремя Георгиевскими штандартами и про который Э. Голлербах писал: «А царскосельские гусары? Помните ли вы царскосельских гусар? Жаль мне вас, если не помните… Посмотришь на такого молодца, когда он проносится, как вихрь какой, на белом коне по плац-параду (сподобит же господь!)… и сам чёрт ему не брат, — ну, загляденье, глаз не отведёшь, всё отдай да мало!»[6] В этом полку в разное время служили «гусарский Беранже» Д. Давыдов, выдающийся грузинский поэт и мыслитель А. Чавчавадзе, автор «Философических писем» П. Чаадаев, сын героя Отечественной войны генерала Н.Н. Раевского Николай, брат будущего вождя тайного общества греков П. Ипсиланти.

ПОЛКОМ во время службы Лермонтова командовал генерал-майор М.Г. Хомутов, участник Отечественной войны 1812 года, высоко ценивший дарование поэта, а седьмым эскадроном, куда был зачислен Михаил Юрьевич, — ротмистр Н.И. Бухаров, по словам князя А.В. Мещерского, «настоящий тип старого гусара прежнего времени»[7].

Следует отметить, что служба в лейб-гвардии Гусарском полку была не слишком обременительной. Летом — учения, манёвры и смотры, в остальное время — караул в Екатерининском двор-

* Все даты в статье даны по старому стилю.

ОДИССЕЯ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА

Аннотация. *В военно-историческом очерке рассказывается о жизни и боевой деятельности российского военачальника, одного из руководителей Белого движения на Юге России генерал-лейтенанта В.З. Май-Маевского.*
Ключевые слова: *В.З. Май-Маевский; А.И. Деникин; П.Н. Врангель; Добровольческая армия; Гражданская война в России.*

Summary. *The military-historical essay describes the life and combat activities of the Russian military commander, one of the leaders of the White movement in Southern Russia Lieutenant-General V.Z. May-Mayevsky.*
Keywords: *V.Z. May-Mayevsky; A.I. Denikin; P.N. Wrangel'; Volunteer Army; Russian Civil War.*

Выпускники Николаевской академии Генерального штаба конца XIX — начала XX века являлись в массе своей участниками разразившейся на просторах бывшей Российской империи после Октябрьской революции Гражданской войны. При этом одни, приняв советскую власть, вступали в новую, Красную армию, другие уходили в Белое движение, в основном на Дон, где Л.Г. Корнилов и М.В. Алексеев с ноября 1917 года начали формировать Добровольческую армию. В их числе оказался и генерал-лейтенант В.З. Май-Маевский, окончивший Академию в 1896 году и успевший получить богатый боевой опыт на полях сражений Первой мировой, или, как её тогда называли, Великой войны. В рядах Вооружённых сил Юга России (ВСЮР) Май-Маевский подтвердил свои способности расчётливого тактика и вдумчивого стратега. Руководимая им Добрармия успешно провела ряд операций, был взят Харьков, затем Орёл. До Москвы оставалось не более 300 вёрст. Но развить достигнутые успехи не удалось, и после ожесточённых боёв Добрармия под натиском красных покатилась на юг. После провала похода на Москву Май-Маевский был отстранён от должности и заменён генерал-лейтенантом П.Н. Врангелем. Впрочем, белых уже ничего спасти не могло. А.И. Деникин писал, что с русской армией неразрывно связана вся его жизнь. То же самое мог сказать о себе и Май-Маевский. И когда остатки Русской армии П.Н. Врангеля грузились на корабли, чтобы навсегда покинуть родину, Май-Маевский ушёл из жизни.

В ИЗВЕСТНОМ телевизионном фильме «Адъютант его превосходительства» внешность генерала Владимира Зеноновича Ковалевского, которого блистательно сыграл Владислав Стржельчик, практически не напоминает своего исторического прототипа — Владимира Зеноновича Май-Маевского.

Барону Врангелю, познакомившемуся с Май-Маевским в апреле 1919 года во время боёв за Донбасский каменноугольный бассейн, генерал показался похожим на комика провинциальной сцены, не будь на том военного мундира. Подлинный Владимир Зенонович был небольшого роста, чрезвычайно тучен, с красным обрюзгшим лицом, отвислыми бритыми щеками и громадным носом-сливой; глаза — по-мышиному маленькие, близко посаженные, носил пенсне[1]. Врангель ещё поделикатничал, сравнив крохотные глаза генерала с мышиными. Эмигрант Димитрий Лехович, в прошлом активный участник Белого движения, указывает «свиные глазки»[2]. Однако непривлекательная внешность Май-Маевского компенсировалась его умом и внутренней силой, что также отметил Врангель, крайне разборчивый в человеческих оценках. Эти качества Май-Маевского отмечали и другие сослуживцы.

Благодаря своим способностям Май-Маевский сделал успешную военную карьеру. Родившись 15 сентября 1867 года[3] в семье безземельных дворян Могилёвской губернии, Владимир Зенонович в 1886 году окончил кадетский корпус, в 1888-м — Николаевское инженерное училище, осенью 1896 года — Николаевскую академию Генерального штаба. Подававшего надежды офицера направили в лейб-гвардии Измайловский полк, но он жаждал настоящего дела и попросил перевести его из столицы в армейскую пехоту. С 1896 года В.З. Май-Маевский служил адъютантом и старшим адъютантом в пехотной дивизии, затем на командных должностях, а с 1904 года — начальником штаба 8-й Восточно-Сибирской дивизии. Во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. исполнял обязанности начальника штаба корпуса. В Первую мировую войну командовал полком, возглавлял штаб пехотной дивизии, состоял генералом для поручений при командующем 11-й армией, с 1916 года командовал 15-й пехотной дивизией, в 1917-м — 1-м гвардейским корпусом. Всю войну Май-Маевский провёл на Юго-Западном фронте, высоко поднявшись по карьерной лестнице.

В декабре 1904 года В.З. Май-Маевский получил чин полковника, в августе 1914 — генерал-майора, в 1917-м — генерал-лейтенанта. К началу Первой мировой войны Май-Маевский являлся кавалером орденов: Св. Станислава 3-й и 2-й степеней, Св. Анны 3-й и 2-й степеней, Св. Владимира 4-й и 3-й степеней. По результатам боёв в Галиции Май-Маевский сначала был награждён Георгиевским оружием, затем орденом Св. Георгия 4-й степени — за отличное командование 44-м пехотным Камчатским полком.

В. Стржельчик в роли генерала Ковалевского. На заднем плане Ю. Соломин в роли адъютанта Кольцова

Февральскую революцию генерал встретил спокойно. В «чёрный список» на увольнение он не попал, ибо реакционностью не отличался, лютости к нижнему чину не проявлял. И сам в отставку не ушёл, как это сделали, например, командиры корпусов: гвардейского конного — Хан Нахичеванский, 3-го конного — граф Ф.А. Келлер и 31-го армейского — генерал от артиллерии П.И. Мищенко[4]. Присягнув Временному правительству, В.З. Май-Маевский, как и подавляющее большинство командного состава русской армии, полагал, что государство Рос-

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ «МУНДИРНЫМ ПЛАТЬЕМ» ЧИНОВ РУССКОГО ФЛОТА В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА

Аннотация. *В статье исследуются особенности мундирного обеспечения чинов Военно-морского флота России в середине XVIII века.*
Ключевые слова: *история русского военного флота; военно-морские чины; управляющие ведомства и «мундирные конторы»; поставщики и контролёры.*

Summary. *The article features uniform provision of the ranks of the Navy of Russia in the middle of the XVIII century.*
Keywords: *history of the Russian Navy; naval ranks; directing departments and "uniform offices"; suppliers and inspectors.*

О ФОРМЕ одежды «адмиралтейских и морских служителей» российского флота «осьмнадцатого» века известно весьма немногое. В основном это связано с тем, что информация о ней извлекалась за редким исключением из высочайших указов, предписаний военно-морского ведомства, учредительных, уставных документов, которые часто фиксировали то, во что должны были быть одеты матросы и офицеры лишь в указанный период. Между тем сведения о том, как реально менялось (и менялось ли вообще) «мундирное платье» чинов плавсостава и морской пехоты не всегда были востребованы, поскольку составляли обширное делопроизводство многочисленных структурных подразделений Адмиралтейств-коллегии и часто не пользовались должным вниманием.

Определённая трудность в выявлении данных, которые помогли бы более полно представить облик морских и адмиралтейских служителей начиная со времён Петра Великого и до реформ Александра I, заключается ещё и в том, что эти данные зачастую сосредотачивались в учреждениях, имевших к ним косвенное отношение и переходивших из одного административного подчинения в другое.

Немалый интерес представляют бумаги, накопленные в мундирной конторе при Адмиралтейств-коллегии, то есть в делопроизводстве структуры, непосредственно связанной с изготовлением форменного платья для личного состава российских военно-морских сил[1]. Хотя объём сохранившегося делопроизводства невелик, находящиеся в нём документы, дополняющие наше представление о форменном костюме «морских служителей» XVIII века, весьма ценны. Условно их можно разделить на три части: петровских времён, середины столетия, начала царствования Екатерины II.

С точки зрения степени изученности морского форменного костюма менее всего известен период правления императрицы Елизаветы Петровны (1741—1761 гг.). А ведь при ней были учреждены мундиры для личного состава основанного в это время Морского шляхетского кадетского корпуса; в 1745 и в 1748 гг. на официальном уровне произошли определённые изменения в облике офицеров и нижних чинов корабельных и судовых экипажей. В частности, офицерам предписывалось носить белый кафтан с зелёным отложным воротником и обшлагами с тремя пуговицами, зелёный камзол, штаны белого цвета. В качестве основного знака различия, как и ранее, использовали золотой галун, который в зависимости от чина мог нашиваться на кафтан или камзол в два ряда (адмиралы) или в один (штаб-офицеры) ряд. У обер-офицеров обшивки галуном вообще не было.

Что же касается нижних чинов, то в 1748 году также была введена система знаков различия, определявшихся количеством рядов позумента. Так, на кафтанах шкиперов 3 ранга, штурманов и мичманов (в унтер-офицерском звании) воротники обшивались в один ряд, а обшлага — в четыре; подштурманы, шкиперы и боцманы имели на обшлагах три ряда, боцманматы, шхиманматы и корабельные писари — два, баталеры, квартирмейстеры и писари — один позумент.

Форменная одежда упомянутых чинов, а также матросов в это время претерпела определённые изменения: первым из них, в частности, полагались канефасные мундирные бостроки с сермяжной подкладкой и с зелёными воротником и обшлагами; мичманы (в унтер-офицерском чине), шкиперы 3 ранга и штурманы имели обер-офицерский мундир; все остальные получали зелёный кафтан с таким же подбоем, с белыми воротником и обшлагами, а также белый камзол.

Перечисленные виды далеко не ограничивали гардероб экипажей судов и кораблей. Помимо них по-прежнему бытовали на флоте и другие «мундирные припасы», например, кафтаны нижних чинов, в том числе и артиллеристов, чулки, сермяжные и тиковые бостроки и прочее. Кроме того, на галерном флоте использовали как шляпы, так и шапки с разноцветными околышами (принадлежность к определённой дивизии). В это флотское разнообразие свою лепту вносили и уже известные административные структуры, прежде всего мундирная контора, оказывавшая заметное влияние на облик корабельных и судовых экипажей. Её функции были самые разнообразные, отчасти повторявшие компетенции контор подрядной и генерал-кригскомиссара. Так, протоколы за 1752 и 1754 гг. фиксируют действия конторских служителей по найму портных и закройщиков, выплату им жалованья, отправку на корабли и суда «мундирных припасов», сведения о заключении подрядов с «торговыми людьми» на поставку кафтанов и бостроков, шляп и пуговиц.

Одной из основных сфер дея-